

Сюзанна Франк

«Ресайклинг» или «ресурс»?

(КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
СОВЕТСКИХ 1930-х VS ЮНЕСКО)

Susanne Frank

Recycling or Resource?

(The Concept of Cultural Heritage in the Soviet 1930s vs UNESCO)

Сюзанна Франк (Университет им. Гумбольдта, Берлин, факультет языка и литературы, профессор; доктор филологических наук) susanne.frank@hu-berlin.de.

Susanne Frank (Dr. habil.; Professor, Department of Languages and Literatures, Humboldt University of Berlin) susanne.frank@hu-berlin.de.

Ключевые слова: культурное наследие, ресурс, культурный ресайклинг, советская культура, ЮНЕСКО

Key words: cultural heritage, recourse, cultural recycling, Soviet culture and literature, UNESCO

УДК: 882+930.85

UDC: 882+930.85

Цель предлагаемой статьи заключается в анализе разных определений культурного наследия и разных способов обращения с ним: сталинского советского 1930-х годов, с одной стороны, и ЮНЕСКО — с другой. Мой главный тезис в том, что концептуализация культурного наследия ЮНЕСКО и советских 1930-х годов прямо противоположны, потому что культурное наследие в сталинском/советском контексте определялось как «критически осваиваемое», в то время как ЮНЕСКО, для которого главная ценность состоит в «аутентичности», предполагает «сохранение в изначальном виде». Обращение с культурным наследием в современной России якобы ориентируется на ЮНЕСКО, но на практике похоже на советское обращение с наследием. Несмотря на разницу в понятиях, и ЮНЕСКО, отношение которого к наследию можно определить как «экологическое», и современная Россия, каждый по-своему, эксплуатируют «культурное наследие» равно как идеологический и капиталистический ресурс.

The aim of this article consists of the analysis of various definitions of cultural heritage and different ways of handling it: two contemporary — in Russia and from the side of UNESCO — and one historical, the Stalinist 1930s. The main thesis is that first, UNESCO's conceptualization of cultural heritage and that of the Soviet 1930s are completely opposite of one another, as cultural heritage in the Stalinist/Soviet context is defined as "critically reclaimed," while UNESCO, for whom the main value is "authenticity," stipulates "preservation in its original form." The handling of cultural heritage in contemporary Russia is ostensibly oriented toward UNESCO, but in practice it resembles the Soviet handling of heritage. But despite the differences in understanding, in their own ways, both UNESCO, whose self-determination can be defined as "ecological," and contemporary Russia exploit "cultural heritage" as a resource both in the ideological and "capitalist" meanings of the word.

I. Предварительные замечания

В русской культурной и литературной критике последних лет термины экономического и экологического дискурса «ресайклинг» и «ресурсы» не раз возникали в качестве аналитических метафор. При этом любопытно наблюдать, что эти метафоры употребляются в совершенно разных, хотя и всегда критических целях. Одни авторы описывают с их помощью чисто эстетические стратегии в области литературы и искусства. Другие диагностируют процесс капи-

тализации сферы культуры и обращают внимание на способы культурной практики и создания культурных ценностей. К первым относится, например, Евгений Добренко. Используя слова «ресайклинг» и «ривёркинг» для обозначения базовых стратегий русской литературы 1990-х и 2000-х по отношению к советской литературе и к соцреализму [Dobrenko 2015], Добренко подразумевает под этим типично постмодернистский способ переработки старого, отказывающийся от модернистских стратегий новизны, и таким образом имплицитно критикует недостаток оригинальности. Схожим образом Сергей Ушакин диагностирует формальный «ресайклинг» постсоветских литературы и искусств 2000-х как «nostalgic retrofitting» («ностальгическая настройка») и видит в нем симптом недостатка нового языка для изображения новых ситуаций [Oushakine 2007: 457].

В отличие от чистой метафоризации «ресайклинг» в случае Добренко и Ушакина, цель метафоризации другого понятия из области экономики, «ресурс», у Ильи Калинина другая: в целом ряде статей, в большинстве своем посвященных «петропоэтике», Калинин критикует капитализацию культуры, то есть бизнес, основанный на эксплуатации культурных ценностей прошлого — то, что можно назвать «культурным бизнесом». Такой подход превосходит чистую метафоризацию, его можно обозначать как экологический.

В статье «Петропоэтика» Калинин пишет о некоем «главном девизе российской элиты: “Ресурс должен быть освоен!”» — определяя такую практику обихода с историческим прошлым, а также с художественной литературой прошлого как сугубо материалистическую. Терминология из области потребительской экономики ресурсов кажется Калинину наиболее подходящей для этого:

...производство и распространение исторических представлений может быть описано через экономическую модель разветвленного холдинга¹, в котором материнская фирма (государство) распределяет заказы и выдает лицензии на освоение ресурсов исторического прошлого другим фирмам... [Калинин 2019: 202]

Далее Калинин описывает еще одну деталь, которая позволяет провести параллель между эксплуатацией нефти и использованием художественных произведений и культурных ценностей прошлого в целом:

...специфика интереса к историческому прошлому, характерная для российской политической элиты, основывается на тех же механизмах, что и ее интерес к нефти и газу. Это представление о богатстве, залегающем где-то на глубине, которое нужно извлечь на поверхность и капитализировать [Там же: 227].

Вывод Калинина, что подобного рода обращение с прошлым и с памятью ведет к тому, что прошлое и память о нем «лишается собственного исторического измерения и превращается в эксплуатируемое “национальное наследие”» [Там же], можно отнести к ветви экокритицизма (ecocriticism), которая доказала свою продуктивность и приобрела популярность в западном литературоведении и культурологии в последние пятнадцать лет и называется «экология культуры» или «культурная экология». Так, например, Хуберт Цапф понимает культуру как своего рода экосистему, в рамках которой художественной литературе предоставляются три важных функции. С их помощью экосистема куль-

1 Здесь и далее все выделения в цитатах мои. — С. Ф.

туры сохраняется в целом и в то же время постоянно возобновляется: функция критическая, функция саморефлексии с помощью воображаемых альтернатив (контробразов) и функция интердискурсивной реинтеграции. Рассматривая «литературу как культурную экологию» [Zapf 2016], Цапф видит в ней механизм противоположный/противодействующий радикальной модернизации, рационализации, капитализации. Подобно Цапфу, Илья Калинин противопоставляет вредную «эксплуатацию» культуры правильному, бережному обращению, которое уважало бы «собственное историческое измерение» культурного наследия и которое можно было бы назвать экологическим.

В области хозяйства «эксплуатация», с одной стороны, и «ресайклинг» — с другой, обозначают прямо противоположные способы обращения с ресурсами, которым соответствует оппозиция «экономика» vs «экология». Так как Калинин ни в одном месте своей аргументации не употребляет термин «экология» или «экологический», экологичность его подхода становится ясна лишь в сопоставлении с позициями представителей экокритицизма — таких, например, как Цапф. При таком сравнении легко заметить, что, критикуя эксплуатацию культуры подобно ресурсу, Калинин требует экологического обращения с культурным наследием. Но о том, что это такое и что такое отношение подразумевает именно уважение к «собственному историческому измерению» культурного наследия, лишь намекается. Термин или, скорее, метафору «ресайклинг» как противоположную по смыслу «эксплуатации» Калинин нигде не употребляет, но нужно исходить из того, что он рассматривает ее как альтернативу той эксплуатации, которую и критикует.

Для того чтобы выяснить, существуют ли формы использования культурного наследия, которые можно отождествлять с противоположной «эксплуатации» стратегией «ресайклинга», а также решить, имеет ли смысл употреблять эти понятия в таком метафорическом смысле, уместно сравнить современную российскую политику в отношении культурного наследия с двумя другими вариантами обращения с последним: 1) концептуализацию культурного наследия в 1930-е годы, лежавшую в основе культурной и литературной политики сталинской эпохи, и 2) концептуализацию мирового культурного наследия организацией ЮНЕСКО, которая лежит в основе западной культурной политики, как минимум начиная с 1960-х годов.

Но прежде всего нужно отметить, что (по меньшей мере со времен Руссо) анализ политической сферы как своего рода экономики и (по крайней мере со времен Бурдьё) анализ культуры в экономических терминах циркуляции символического капитала, конвертируемого в реальный, общепризнаны и доказали свою продуктивность. Введение метафор «ресайклинг», «ресурс» нужно понимать как попытки обогащения и дифференцирования инструментария из области экономики окружающей среды — обогащения, с помощью которого акцент перемещается на экологию и связанные с ней вопросы добычи, использования, траты и возобновления энергии. Учитывая сказанное, можно заключить, что, с одной стороны, и «ресайклинг», и «ресурс» в принципе применимы к описанию культурного механизма в целом. Но то, что они описывают, не настолько прямым образом связано с процессами обмена символическим капиталом, как это определил Бурдьё. «Ресайклинг» обозначает динамику возобновления культуры, искусства и литературы изнутри, в интеракции с окружающей средой, в то время как «эксплуатация культуры как ресурса» обозначает доступ и использование извне, инструментализацию в политических или

экономических целях — использование, при котором сами культура, литература и искусство не регенерируются, не возобновляются. Но и «ресайклинг», и употребление культуры прошлого в качестве «ресурса» производят культурный/символический капитал и каждый своим способом обогащают культуру настоящего.

Цель предлагаемой статьи заключается в анализе разных определений культурного наследия и разных способов обращения с ним: двух современных — в России и со стороны ЮНЕСКО — и одного исторического — возникшего в сталинские 1930-е годы. Мой главный тезис состоит в том, что, во-первых, концептуализация культурного наследия ЮНЕСКО сейчас и в России в 1930-е годы прямо противоположны, причем обращение с культурным наследием в современной России напоминает практики 1930-х годов; а во-вторых, что принятое ЮНЕСКО понятие наследия, которое можно определить как «экологическое», отнюдь не препятствует эксплуатации «мирового культурного наследия» как ресурса в капиталистическом смысле слова.

Такого рода попытка кажется мне важной, поскольку и проанализированная Калининым постсоветская современная практика эксплуатации культурного наследия как «ресурса», и советская концептуализация наследия как чего-то «критически осваиваемого» кажутся на первый взгляд прямо противоположными позиции ЮНЕСКО, по определению которого культурное наследие — это ценность, сохраняемая в первичном состоянии, некая данность, которую можно и нужно сохранить в «изначальном» виде. Иными словами, концепт культурного наследия ЮНЕСКО принципиально отказывается от любого рода освоения и эксплуатации и — вопреки всем выводам науки о культуре — верит в сохраняемость и в сохранность ценности в чистом виде. Такое понятие/идеология культурного наследия ЮНЕСКО резко отличается от концепции/идеологии наследия как в советском, так и в постсоветском контексте.

Кажется, что именно последнее соответствует требованию Калинина уважать «собственное историческое измерение» культурного наследия, что именно оно представляет собой экологическую позицию, которая лучше всего соответствует экологическому механизму самой культуры и искусства. Но действительно ли это так? Или же нам предлагается просто другая идеология наследия, которая по-своему точно так же служит эксплуатации, например в форме культурного туризма, оперирующего идеологемами «аутентичности», «уникальности» и «разновидности», а на самом деле глобально гомогенизирующего зону мировых достопримечательностей?

Итак, чтобы разобраться во всем этом, я обращусь вначале к ситуации с культурным наследием в СССР 1930-х годов, чтобы затем связать советский опыт с современными, узаконенными авторитетными общемировыми институтами и представлениями о наследии.

II. «Культурное наследие»

«Культурное наследие» — один из самых распространенных, чтобы не сказать ключевых, терминов культурной политики нашей эпохи, не только в России, но и во всех других странах. Оно охватывает все «ценностное» из прошлого, что считается нужным сохранять сегодня и в будущем. Однако наследие — не просто то, что удерживается и консервируется, но и то, с помощью чего опре-

деляется актуальная культурная идентичность, а соответственно, то, на что в качестве собственности претендует идентифицирующий себя с ним субъект.

По определению Алейды Ассманн, культурное наследие — часть «функциональной памяти» культуры, с помощью которой легитимируется или делегитимируется не просто идентичность, но и политическая власть; с помощью которой одна культура, один коллектив отграничивается от другого [Assmann 1999: 130 и далее]. Уже более двух десятилетий назад Пьер Нора констатировал тенденцию именно такого понимания термина «наследие» — не в качестве просто «истории», но в качестве «памяти», на идентификации с которой базируется коллектив: «Мы перешли от наследия просто переданного нам к символическому наследию, связанному с понятием идентичности... другими словами — от эпохи наследия как истории к наследию как памяти» [Nora 1997: 16]. Говоря иначе, наследие — не просто сохранившееся, но продолжающее жить в настоящем прошлое, из которого питается и с помощью которого определяется настоящее, живое общество.

Но что такое «наследие», если говорить о советской (многонациональной) литературе, для которой данное понятие является основополагающим? Собственная ли это программатика национальных литератур с их канонами и институциями или же просто результат советской литературной политики, включающий все ее побочные эффекты? Наличие наследия подразумевает претендующего на него. Что и для кого оказывается в данной ситуации «наследием»?

Советская многонациональная литература представляет собой принципиально проблематичное наследие, поскольку она явилась результатом крайне насильственной культурной политики, в рамках которой не столько сохранялись национальные каноны, сколько более или менее произвольно определялись национальные идентичности — исключались важные тенденции, уничтожались в годы сталинского террора целые группы ведущих представителей национальных литератур. Для того чтобы понять, как легитимировалась такого рода литературная политика, мне кажется целесообразным вернуться к Первому Всесоюзному съезду советских писателей, состоявшемуся в 1934 году, и событиям, которые ему предшествовали. При взгляде на доклады съезда бросается в глаза, что в дискуссии о литературной «программе» наряду с пропагандой социалистического реализма как эстетической нормы очень важную роль играет именно концепт наследия². Если посмотреть на ситуацию внимательнее, обнаруживаются удивительные факты.

III. «Наследие» Горького

Практически с первого момента разработки принципов новой, советской литературы в национальном и интернациональном масштабе развивались идеи ее моделирования — как в целом, так и ее национальных субъективных — на ос-

---

2 В некотором смысле дискуссия о реализме и дискуссия о наследии тесно связаны между собой на съезде, ведь в некоторых докладах реализм XIX века является объектом дискуссии о наследии. Эта дискуссия, начатая на съезде, после съезда продолжается на страницах журнала «Литературный критик», где в центре новые размышления Георга Лукача о романе и буржуазном реализме как фундаменте и наследии нового, социалистического реализма.

нове исследования и (ре)конструкции литературного наследия. Судя по всему, эта часть соцреалистической программы базировалась в том числе на опыте издательского проекта ее ведущего идеолога М. Горького «Всемирная литература». В предисловии к первому тому «Всемирной литературы» Горький еще не употреблял понятие «наследие», но пользовался связанными с ним терминами и метафорами, такими, например, как «сокровища [поэзии]». На первом плане для него стояли задачи образовательная и воспитательная: литература должна «исполнить свою планетарную роль, — роль силы, наиболее крепко и глубоко изнутри объединяющей народы сознанием общности их страданий и желаний, сознанием единства их стремления к счастью жизни красивой и свободной» [Первый съезд писателей 1934: 280].

Область литературного творчества — писал еще в 1918 году Горький, — Интернационал духа, и в наши дни, когда идея братства народов, идея социального Интернационала превращается, по-видимому, в действительность, в необходимость, — в наши дни обязательно приложить все усилия для того, чтобы усвоение спасительной идеи всечеловеческого братства развивалось возможно быстро, проникая в глубины разума и воли масс [Там же]. <...>

По широте своей это издание является первым и единственным в Европе [Там же: 281].

О том, что «наследие» (или, точнее, в данном случае — идея сохранения наследства) была важна еще до Первого съезда советских писателей, свидетельствуют такие факты, как, например, основание архивного проекта «Литературное наследство» в 1931 году — изначально как журнала для публикации архивных материалов ключевых, «канонических» авторов русской и связанных с ней зарубежных литератур, позже — превратившееся в серийное неперiodическое издание.

Выступавших на Первом Всесоюзном съезде советских писателей значение наследия заботило в не меньшей степени, чем задачи литературы в воспитании будущих поколений. В свое время Добренко писал о том, что

сознание сталинской культуры — сознание наследия и синтеза. Она ничего не отбрасывает, но все соединяет, являясь «наследником», снимающим все противоречия предыдущих эпох [Добренко 2000: 877].

Мне бы хотелось уточнить это наблюдение, обратив внимание на разного рода рефлексии о понятии наследия в докладах съезда.

Формулировка «критическое усвоение литературного наследства» оказывается ключевой, повторяющейся в докладах многократно и первый раз появившейся уже во вступительной речи А.А. Жданова: «...критическое усвоение литературного наследства всех эпох представляет собою задачу, без решения которой вы не станете инженерами человеческих душ» [Первый съезд писателей 1934: 5].

Вслед за Ждановым И.Ю. Кулик, выступавший в роли председателя украинского комитета союза писателей, ссылается на Ленина как на автора этой формулы, говоря о тезисах культпропа ЦК КП(б)У, изданных к юбилею Шевченко, которые,

основываясь на установках Ленина о критическом усвоении литературного наследия, с одной стороны, сохраняют полную историческую перспективу, а с дру-

гой — свидетельствуют о том, что ленинская оценка в определении настоящего места классиков устраняет аллилуйщину и не только не снижает их в глазах потомства, а, наоборот, — подчеркивает настоящее значение и роль их творчества [Там же: 43].

Кулику отвечал армянский писатель А.С. Бақунц, который три года спустя, как и Кулик, стал жертвой сталинского террора:

Я бы советовал всем нашим литераторам пересмотреть громадное литературное наследие, сделав это быстрее, потому что этим мы можем наметить большие и широкие пути в нашей советской литературе [Там же: 213—214].

Кулик же, отмечая, что «классическое украинское наследие», «несмотря на ужасающий гнет капитализма, несомненно значительно», не забыл сделать важную оговорку: «...мы должны определить, у каких классиков нам прежде всего следует учиться в работе над словом. Я считаю, что в этом отношении особенно ценно наследие Тараса Шевченко» [Там же: 43].

Мысль о «критическом усвоении» национального литературного наследия обсуждается и в других случаях, причем важно, что в конечном счете именно оно отличает советского писателя от националиста. Иногда это просто изобретение литературного канона путем «усвоения» и включения в него «народной литературы, фольклора», о чем, например, рассуждает представитель Узбекистана Р. Маджиди, подчеркивая в то же время необходимость ориентации на «русскую пролетарскую литературу» как образец новой, воспитательной литературы:

Борьба националистов под флагом использования литературного наследия не прекратилась и в настоящее время. <...> ...мы должны усилить критическое усвоение литературного наследия. <...> Нужно учиться у опытных русских пролетарских писателей передавать ясно и точно пролетарские идеи, освещать правильно жизнь, изучать мастеров, стремиться правильно использовать культурное наследие, накопленное человечеством [Там же: 129].

«Усвоение наследия» может противопоставляться «отрицанию всего классического наследия», за которое представитель Азербайджана Мамед Кязим Алекбер оглы (коротко — Алекберли), критикует авангардистские тенденции современной азербайджанской литературы: «...отрицание всего классического наследия, протаскивание провинциализма в литературу, тенденции искусственных неологизмов и т.д.» [Там же: 125].

Употребляя формулу «критическое усвоение», представитель грузинской литературы М. Торшелидзе претендует на включение шедевра древнегрузинской литературы поэмы Ш. Руставели не просто в национальное, но и во всемирное литературное наследие:

Остановиться на этом произведении тем более уместно, что ныне, когда перед нами стоит проблема критического освоения культурного наследия предыдущих эпох, поэма Шота Руставели становится в центре внимания как самый выдающийся памятник древнегрузинской литературы. Без преувеличения можно сказать, что поэма Руставели является самым великим литературным наследием из всего того, что нам дали средневековый Запад и весь так называемый средневековый христианский мир [Там же: 74].

Иногда «критическое усвоение наследия» может означать усвоение лишь одного отдельного аспекта при осуждении всего творчества автора, как, например, это происходит при оценке творчества Л.Н. Толстого, о котором сибирский большевистский писатель Ф.А. Березовский говорит:

Вы знаете, с какой мощью воплотил Толстой... свою вредную и реакционную идею всеобщего равенства. <...> Толстой заставлял массы читателей верить в это силой и яркостью своего художества. И мне думается, что, когда мы говорим об овладении наследством старых мастеров, нам не нужно забывать основного закона художественного творчества: уменья с такой же глубиной, размахом и убедительностью претворять наши, социалистические идеи в художественные образы [Там же: 195].

«Мощь», «сила» и «яркость» — вот то, что нужно усвоить из Толстого. Можно предполагать, что речь идет о некоем риторическом пафосе.

Даже в случае самой радикальной критики понятие «наследие» употребляется в качестве мощного инструмента этого дискурса. Так происходит, когда В.Б. Шкловский с помощью этого концепта исключает из канона Достоевского:

...мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира. Ф.М. Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника [Там же: 154].

В данной цитате прозвучит еще и другая важная идея дискурса о наследии: установление «наследников». Шкловский эксплицитно говорит об участниках съезда как о коллективе «наследников», которые в то же время являются «судьями» наследства.

В других случаях, например в речи И.М. Беспалова, «советские писатели» определяются как «наследники»: «Советская литература сохранила и развивает традиции великих представителей художественной мысли. Советские писатели являются наследниками Вольтера и Бальзака, Шекспира и Байрона, Гете и Гейне, Пушкина и Салтыкова-Щедрина» [Там же: 271—272].

А Горький в своей речи имплицитно отличает правильных наследников от неправильных:

...пролетариат, как и в других областях материальной и духовной культуры, является единственным наследником всего лучшего, что есть в сокровищнице мировой литературы [Там же: 5].

Иными словами, согласно Горькому, литературное наследие в первую очередь связано не с нацией, а с политическими воззрениями наследников.

Так же как и формула «критическое усвоение», представление о наследнике как об активном, творческом, так сказать, создателе наследия свидетельствует о совершенно определенном и весьма осознанно операциональном употреблении понятия «наследие». В дискурсе Первого съезда — соответственно, марксистско-ленинском дискурсе — «наследие» в большинстве случаев четко отграничивается от «наследства», и, хоть и там нет эксплицитной терминологической дискуссии, очевидно подразумевается конструкция «наследия» путем «критического усвоения». Соответственно, «наследник» не тот, кто что-то получает «по наследству» по причине родства, но тот, кто может претендовать на усвоение на основе «правильного» политического сознания.

Такое определение «наследника» становится окончательно ясным, если обратиться к некоторым высказываниям иностранных участников съезда. Просто «наследство» — это еще не легитимация, еще не вступительный билет в общество легитимных наследников — подчеркивает представитель Греции Димитрос Глинос. Более того, Глинос почти что отказывается от наследства античной классики, подчеркивая, что единственная легитимная причина участия в съезде маленькой страны — факт, что и она вступила в «героическую борьбу за общее дело»:

Хоть Греция и является маленькой страной, все же и у нее есть право принять участие в этой культурной манифестации не в качестве номинальной наследницы античной цивилизации, представленной в этом зале съезда портретом одного из ее классических писателей, но в качестве страны, в которой тоже идет борьба, ожесточенная и героическая, за общее дело, которое объединяет и вдохновляет революционных писателей всех стран [Там же: 644].

Ссылаясь на Энгельса, который подобным же образом различал легитимных и нелегитимных наследников, выступает немец Виланд Герцфельде:

Фридрих Энгельс сказал, что одни только рабочие являются наследниками тех глубоко научных и философских явлений, которые в век классики составляли славу Германии. <...> Так, разрушая и загрязняя все, куда бы он ни ступил, фашизм завершает путь буржуазного класса, он закрывает дверь за германским прошлым. Отныне классическая германская культура, классическая мысль и классическое творчество, наследие прошлого, окончательно перешли к тем, кто держит будущее в своих руках: к германским рабочим, в чьих рядах сражается и Эрнст Тельман [Там же: 361].

Вслед за Герцфельде венгерский писатель Антал Гидаш определяет Советский Союз как защитника наследия Генриха Гейне и, таким образом, как законного наследника немецкой литературы:

Смотрите, тут висит портрет Гейне, и если на его родине его произведения преданы сожжению, то здесь, в Стране Советов, он рядом с Гете сидит в арсенале всемирной литературы, в сердцах сотен тысяч читателей. Они стали примером, живым источником для советских поэтов [Там же: 521].

Прежде всего из докладов иностранных участников съезда (но не только из них — выше уже упоминался доклад Торошелидзе, можно сослаться еще и на основательный доклад Горького) становится ясно, что, наряду с национальной перспективой, которая существенна как в рамках отдельных республик, так и для концепции многонациональной литературы в целом, значима еще и интернациональная или, точнее, всемирная перспектива. Это третий очень важный аспект съездовского дискурса.

Если в грузинском докладе и при обсуждении наследия немецкой литературы всемирная перспектива упоминается эксплицитно, то почти во всех других случаях она подразумевается: при различении правильных, легитимных наследников и нелегитимных речь идет совсем не о национальном различии, а об универсальном политическом. Национальные литературы мыслятся составной частью всемирной литературы, наследие которой, опять-таки, суждено «усваивать» именно правильным, пролетарским наследникам, способным на ее основе

создать литературу будущего. Иными словами, понятие «наследие» служит и концептуализации национальных литературных *canons*, и в то же время концептуализации всемирного литературного наследия, превращающегося в интеллектуальную собственность законных пролетарских наследников всего мира.

Думается, что в съездовской дискуссии присутствует, хотя и имплицитно, рефлексия о наследии как о функциональной памяти в понимании А. Ассман, или, я сказала бы, об «оперативной» памяти в ее экстремальном проявлении — о «наследии» как мощном инструменте культурной/литературной политики. Таким наступательно-оперативным употреблением понятия дискурс советских 1930-х годов радикально отличается от сегодняшнего дискурса о культурном наследии (причем, как кажется, не только российского), в контексте которого под последним чаще всего подразумевается нечто просто данное, неизменное, полученное в наследство.

Ясно, что на основе такого рода «оперативного» определения наследия можно легитимировать любое насильственное «моделирование», если только оно основано на потребностях «правильного» наследника.

IV. Французский опыт

Обратимся еще раз к мнениям иностранных участников съезда, и прежде всего — к позиции Андре Мальро, тогда молодому французскому писателю, восхищающемуся коммунизмом и к 1934 году получившему известность среди французской публики благодаря романам, посвященным колониальной ситуации и революционным действиям на Дальнем Востоке. Именно из его высказываний выясняется, что радиус рецепций и воздействия советского подхода к «наследию» гораздо более широк, чем можно было бы предполагать.

Мальро участвовал в работе съезда как член французской делегации и выступал, если не считать краткого ответа Л.В. Никулину на обвинение в пессимизме, дважды. Сначала — с пространной репликой в прениях, затем — с речью. В первый раз слово «наследие» он не употреблял, но в своей речи прямо подхватил лозунг Сталина и определенным образом специфицировал его, придав ему боевой оттенок: «Если писатели действительно инженеры душ, то не забывайте, что самая высокая функция инженера — это изобретение. Искусство — не подчинение, искусство — это завоевание» [Там же: 287]. Затем Мальро, ссылаясь на Маркса, определяет задачу и цель искусства: «Большим индивидуалистическим эпохам коммунизм противопоставляет лозунг... — “Больше сознания!”» [Там же]. В другом докладе — «Человек в процессе рождения», — с которым Мальро выступил в дни съезда перед журналистами в Москве, он подтвердил то, что понимает «позицию марксизма» именно как «боевую» [Мальро 1989: 69]. Сопоставляя Советский Союз (и США) с Европой, Мальро наблюдает подъем культуры в СССР и ее упадок в Европе: «Где шансы культуры выше? В стране, где наибольший тираж имеют произведения Горького, или там, где зачитываются “Фантомасом”? [Там же: 70]; «Только в СССР и США верят в человека» [Там же]. Он утверждает, что верит в конец индивидуализма и в возникновение нового, советского гуманизма, который приведет к «рождению нового человека» [Там же: 71].

Очевидно, что Мальро ориентируется на советский литературный проект, о котором он услышал на съезде. Этим проектом инспирирована его вариация

марксистской формулы «действовать, чтобы преобразовать» [Там же: 69]. Под объектом, подлежащим «преобразованию», здесь подразумевается не только «колхозник, который читает Гоголя и Толстого» [Там же: 71] и тем самым «преобразуется», но и само искусство/литература, которые данное общество получило в наследство: «Усвоение культурного наследия, — цитирует Мальро докладчиков Съезда, — само по себе творческий акт» [Там же]. Когда Мальро говорит о том, что «произведение искусства не камень», а «зерно, меняющееся в зависимости от почвы, в которой оно произрастает», он, употребляя библейскую метафору «зерна», развивает/перекодирует идею «критического усвоения» дальше в сторону теории рецепции, как ее значительно позже развивал Ганс-Роберт Яусс³.

«Произведения искусства, — декларирует Мальро в одноименном эссе, написанном на основе речи, которую он произнес в июне 1935 года на Первом международном конгрессе в защиту культуры в Париже, — это также и встреча со временем. <...> Если искусство, идеи, поэмы — все эти древнейшие грезы человечества нужны нам для жизни, мы нужны для их воскресения». «Творя себя, — продолжает он, — мы творим их. Ронсар в порыве самотворчества воскрешает Грецию, Расин — Рим, Гюго — Рабле, Коро — Вермеера» [Там же: 80]; «Человек не раб своего наследия, он — его господин; не Античность вызвала к жизни Возрождение — Возрождение создало античное искусство» [Там же: 154].

Здесь снова появляется и, более того, разъясняется метафора, которую Мальро использовал в своей речи на съезде: «Традиция не наследуется, она завоевывается». Говоря иначе, наследие — это на самом деле добыча. «Наследие не получают в дар, его завоевывают» («L'héritage ne se transmet pas, il se conquiert») — напишет Мальро два года спустя в работе «О культурном наследии»⁴. В эссе же 1935 года Мальро прямо адресует к участникам съезда: «Советские писатели — мы ждем не поклонения им от вашей культуры, сохранившей их наследие, несмотря на кровь, тиф и голод, а того, чтобы вы заставили их вновь открыть нам свои преобразенные лики» [Там же: 81].

Тот же подход Мальро развивает в докладе 1936 года под названием «О культурном наследии», который он прочитал перед собранием международной ассоциации писателей («Association internationale des écrivains pour la défense de la culture») в Лондоне. На этом собрании, где из русских присутствовал один Эренбург, Мальро настаивал на том, что «традиция» не просто «факт», что «традиция» и есть «наследие», которое нужно «завоевывать» и «подчинять», что она «сохраняется» только путем усвоения, благодаря которому одновременно преобразуется и настоящее [Там же: 149].

С одной стороны, Мальро выясняет связь между активно-преобразовательным пониманием рецепции и пониманием литературы и искусства как инструментов воспитания: «Переосмысление европейского культурного наследия, осуществленное XIX веком, стало возможным благодаря открытию многообразия художественных форм и вере в воспитательную роль искусства» [Там же: 151]. С другой стороны, в этом определении, несмотря на утрирование властной позиции реципиентов, а не самих текстов и произведений, явно зву-

3 Яусс, однако, ни разу не ссылаясь в этом контексте на Мальро.

4 Лиотар комментирует, что Мальро после войны подхватывает идею «завоевания наследия» [Лиотар 2015: 236—271].

чит предвосхищение теории, рассматривающей литературу как механизм памяти, то есть теории интертекстуальности⁵.

В том же докладе 1936 года Мальро представил еще две ключевые составляющие своего культурно-политического проекта: во-первых, идею координированного отбора лучших художественных книг каждой страны, которая была с очевидностью вдохновлена издательской программой Горького, и позже легла в основу проекта «списков лучших книг из всех стран мира», осуществленному после Второй мировой войны ЮНЕСКО. Во-вторых, Мальро тогда впервые обнаружил замысел энциклопедии как «виртуального музея» культурной истории всего человечества — *Le Musée Imaginaire*.

Из концепции советской многонациональной литературы, с которой он познакомился на Первом съезде, Мальро почерпнул и другие ключевые элементы, которые развивал в дальнейшем. Во-первых — понятие «гуманизм», под знаком которого стояла вообще вся программатика советской (многонациональной) литературы. Во-вторых — «всемирный масштаб», которым программатика советской многонациональной литературы отличалась изначально и который отсылал к горьковской «Всемирной литературе».

Если на съезде речь не раз шла о развитии литературы в глобальном масштабе и о том, что отдельные шедевры, такие, например, как поэма Руставели, представляют собой не только национальное и общесоветское наследие, но и входят в канон мирового наследия, то Мальро расширяет этот горизонт еще и с точки зрения глобального масштаба развития культуры. В исторической перспективе современная культура (тут он выражается не совсем однозначно, но, судя по всему, имеет в виду «европейскую культуру» в самом широком смысле, включая как СССР, так и США) представляет собой пока последнюю ступень, в силу чего является «единственной наследницей» мировой культуры:

Если качество мира — субстанция любой культуры, то цель ее — качество человека, а оно создается именно культурой — не суммой знаний, но наследием величия; и наша художественная культура, постигая, что ее не может удовлетворить изощренность чувств, какой бы утонченности они ни достигли, пробирается на ощупь среди скульптур, песен и поэм, унаследованных ею от самой древней аристократии мира, понимая, что сегодня она — единственная наследница [Там же: 260].

После войны сторонник де Голля Мальро занимал министерские должности⁶: с 1945 по 1946 — министра информации, а с 1958 по 1969 год — министра культуры. В своем высоком статусе в 1946—1948 годах он выступил одним из основателей международной Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), где с самого начала старался пропагандировать свои идеи, восходящие ко времени его близости к коммунистам и к программатике советской литературы. Это касается понимания литературы

-
- 5 Ср. также и такие его высказывания, как: «...любая цивилизация... создает свое наследие, помогающее ей возвыситься над судьбой» [Мальро 1989: 154]; «День за днем, от мысли к мысли люди пересоздают мир, следуя своему высшему назначению» [Там же: 155].
- 6 В это время Мальро уже больше не котировался в СССР: после 1930-х годов, когда его произведениям и высказываниям уделялось большое внимание, русская рецепция прервалась и была возобновлена лишь в самом конце 1980-х годов. Тогда и вышел сборник его культурно-критической прозы [Мальро 1989; 1990; 1992].

и искусства как инструментов воспитания масс, которое выразилось в проекте «Воображаемого музея» (*Musée imaginaire*, 1947—1955)⁷ и в успешно воплощенном проекте французских «домов культуры» (*Maison de la culture*, 1964), а также в развитии понятия «наследие», хотя «культурное наследие» стало ключевым проектом ЮНЕСКО лишь в 1972 году, когда была принята международная Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия.

V. Итоги

С сегодняшней точки зрения советскую позицию 1930-х, так же как и позицию, которой придерживался Мальро до 1960-х годов, можно назвать эксплицитно конструктивистской. В истории СССР, в контексте создания и моделирования канона советской многонациональной литературы такого рода трактовка «культурного наследия» легитимировала не только самые насильственные модификации канона, но и изъятие неподходящих под него сочинений из обращения и даже уничтожение живых авторов. В то же время такое определение «культурного наследия» сугубо рефлексивно относится к самому факту наследия, сконструированность и принципиальная произвольность которого не только признавалось, но и продуктивно использовалось. Как раз такая трактовка перерабатываемого «наследия» в противоположность неизменному «наследству», вероятно, и может быть охарактеризована как своего рода «ресайклинг». Случай Мальро выявляет неожиданно тесные связи и широкомасштабные влияния со стороны советской идеологии на общемировую ситуацию — по всей вероятности, оперативное понятие наследия, каким оно было введено в оборот на Первом съезде советских писателей, повлияло через посредничество французского культурного деятеля и на изначальную концептуализацию идеи и задач ЮНЕСКО.

Экологический подход ЮНЕСКО только в последнее время начинает подвергаться осторожной критике. Так, например, исследователи междисциплинарного проекта в Гёттингене предлагают говорить о «режимах наследия», констатируя, что «режимы наследия... создают новые арены для конкурирующих политических и экономических интересов, которые стремятся присвоить жизнеспособные ресурсы наследования» [Bendix 2012: 23]. Говорить о «выборе наследия» («heritage choice» [Pichler 2012: 55]) для них не идеологическая программа, как в советское время, а разоблачение практики власти, которое должно способствовать эмансипации тех, кто пока являются только объектом и инструментом торговли, тех, кому приписывается наследие, но воле кого оно не подчиняется. На первый взгляд идеологического подхода «экологическая», «антикварная» (в смысле Ницше) концептуализация наследия ЮНЕСКО, с одной стороны, и актуальная российская культурная политика с типичной для нее эксплуатацией культурного наследия как ресурса, с другой стороны, чрезвычайно далеки друг от друга. Но вместе с тем они весьма близки в том, что «западное» отношение ко всемирному культурному наследию в связи с международным туризмом вполне уместно тоже рассматривать как

---

7 Идею, которую Мальро сформулировал в эссе «*Musée imaginaire*» (1947), он развивал в своих книгах «Психология искусства» (1947—1949), «Музей без стен» и «Голоса тишины» (1952).

эксплуатацию ресурса. В этом смысле и советская дискуссия 1930-х годов, и концепция Мальро, наряду с опытом и теоретической полемикой наших дней, стимулируют новую, критическую дискуссию о понятии «культурное наследие», его политической и/или коммерческой инструментализации, равно как и о существующих принципах самой практики наследования.

Литература / References

- [Добренко 2000] — *Добренко Е.* Занимательная история: Исторический роман и социалистический реализм // Соцреалистический канон / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000.
- (*Dobrenko E.* Zanimatel'naya istoriya: Istoricheskiy roman i sotsialisticheskiy realizm // Sotsrealisticheskiy kanon / Eds H. Günther, E. Dobrenko. Saint Petersburg, 2000.)
- [Калинин 2019] — *Калинин И.* Русская петропозитика: литературные продукты нефтепереработки // Неприкосновенный запас. 2019. № 4. С. 219—254.
- (*Kalinin I.* Russkaya petropoetika: literaturnye produkty neftepererabotki // Neprikosnovennyi zapas. 2019. № 4. P. 219—254.)
- [Лиотар 2015] — *Лиотар Ж.-Ф.* За подписью Мальро. СПб.: Владимир Даль, 2015.
- (*Lyotard J.-F.* Signé Malraux. Saint Petersburg, 2015. — In Russ.)
- [Мальро 1989] — *Мальро А.* Зеркало лимба: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1989.
- (*Malraux A.* Le Miroir des Limbes. Moscow, 1989. — In Russ.)
- [Мальро 1990] — *Мальро А.* Надежда: Роман. Л.: Художественная литература, 1990.
- (*Malraux A.* L'Espoir. Leningrad, 1990. — In Russ.)
- [Мальро 1992] — *Мальро А.* Королевская дорога: Романы. М.: Прогресс, 1992.
- (*Malraux A.* La Voie royale. Moscow, 1992. — In Russ.)
- [Первый съезд писателей 1934] — Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стеногр. отчет. М.: Гослитиздат, 1934.
- (*Pervyy Vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley.* 1934. Stenograficheskiy otchet. Moscow 1934.)
- [Bendix 2012] — Heritage Regimes and the State (Göttingen Studies in Cultural Property, Vol. 6) / Ed. by R. Bendix. Göttingen: Universitätsverlag, 2012.
- [Assmann 1999] — *Assmann A.* Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München: Beck, 1999.
- [Dobrenko 2015] — *Dobrenko E.* Recycling of the Soviet // Russian Literature since 1991 / Eds E. Dobrenko, M. Lipovetsky. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 20—44.
- [Malraux 1996] — *Malraux A.* Man And Artistic Culture // Visions for UNESCO in its early years / Horizons philosophiques à l'origine de l'UNESCO. UNESCO, 1996. P. 8—11.
- [Nora 1997] — *Nora P.* An Idea Whose Time Has Come // The UNESCO Courier. The State of the World Heritage. 1997. September. P. 14—17.
- [Oushakine 2007] — *Oushakine S.A.* "We're nostalgic but we're not crazy": Retrofitting the Past in Russia // The Russian Review. 2007. Vol. 66. № 3. P. 451—482.
- [Pichler 2012] — *Pichler A.* The Dynamics of Heritage Choice and Heritage Regimes in the "Making of Old Havana" // Heritage Regimes and the State (Göttingen Studies in Cultural Property, Vol. 6) / Ed. by R. Bendix. Göttingen: Universitätsverlag, 2012. P. 39—59.
- [Zapf 2016] — Handbook of Ecocriticism and Cultural Ecology / Ed. by H. Zapf. Berlin: De Gruyter, 2016.